

Y1, C9: Прекрасное место

Боль от превращения постепенно утихла. Ремус, теперь уже совершенно осознанно, обнаружил себя на полу заброшенного здания. Секунду он смотрел, как в воздухе парит освещенная солнцем пыль. Слава богу, что я не сбежал, подумал он (впервые за весь вечер думая человеческими словами). Он хотел оглядеться и осмотреть повреждения, но голова была слишком тяжелой.

Ремус изо всех сил старался не двигаться. Его словно парализовало - он ничего не чувствовал, даже пол под собой. Он полагал, что у него есть еще около десяти минут, прежде паралич оставит его.

Мадам Помфри уже шла по туннелю, и Ремус начал паниковать. Было слишком рано, ей следовало подождать несколько минут, он только что трансформировался, и если бы она пришла на несколько минут раньше, он бы умер...

Ничего страшного, заставил он себя так думать, принимая сидячее положение и вытирая кровь со своего бледного лица. Он был уверен, что, вероятно, выглядит ужасно... но он ничего не мог с этим поделать, не так ли? Он вообще ничего не мог поделать ни с чем. Он чувствовал себя совершенно беспомощным.

Вошла мадам Помфри, и Ремус услышал, как с ее губ сорвался тоненький вздох. Ремусу это не понравилось. Он не хотел, чтобы его жалели; он хотел только вернуться в школу и отдохнуть. Жалость никогда ничему не помогала. Ремус почувствовал, как в груди поднимается раздражение, поэтому он медленно и целенаправленно вдохнул. Вдох через нос... выдох через рот. Да, так было лучше.

"Доброе утро, мадам Помфри", - сумел сказать Ремус, подавившись собственными словами. "Прекрасный день".

Мадам Помфри не выглядела веселой, однако, она снова перешла на холодный тон (что было гораздо приятнее для Ремуса, чем бессмысленная жалость). "Не смей двигаться, Ремус Люпин, и ничего не говори, если это не срочно. Я не знаю, почему ты сидишь, но лучше бы этого не случилось в следующем месяце. Сейчас. Я собираюсь залечить самые глубокие порезы прямо здесь, а потом отведу тебя в Больничное крыло, чтобы заняться остальным, хорошо? Пожалуйста, не двигайся".

"Могу я завтра пойти на занятия?" Ремус старался вести себя как можно беспечнее, надеясь, что ужасное выражение жалости в ее глазах исчезнет, если он будет вести себя так, как будто это не так уж и важно.

"Мне показалось, я только что велела тебе молчать", - отругала мадам Помфри. В ее глазах было еще больше жалости, чем раньше, но голос, к счастью, был таким же деловым, как всегда. Она достала свою палочку и пробормотала несколько заклинаний. Ремус по-прежнему ничего не чувствовал, но, судя по луже крови, в которой он сидел, этот месяц был не очень удачным.

Он оглядел дом, как можно меньше двигая головой. Он был прав. Вся мебель в доме была в глубоких царапинах и ужасных вмятинах от зубов. Ремус вздрогнул, чем заслужил строгий взгляд мадам Помфри.

Сквозь заколоченное окно проникали лучи солнечного света, и Ремус смутно помнил, как царапался ночью, пытаясь убежать. Ночные воспоминания были ясны как день, и он ненавидел

каждое из них. Быть опасным монстром, который не чувствовал ничего, кроме жажды крови, это одно. Воспоминания о том, что он был таким, делали его состояние еще хуже.

Наконец Ремус набрался смелости и посмотрел на себя. Да, крови было много - несколько порезов, царапин, следов укусов, и, кажется, у него не было двух ногтей. Его рука, похоже, была сильно сломана. У него возникло внезапное желание избавиться от содержимого в желудке, но он проигнорировал его и подождал, пока оно пройдет.

"Тебе больно?" - внезапно спросила мадам Помфри, как будто только что вспомнила, что тело, изрезанное на куски, должно болеть.

Ремус указал на свои губы, которые были плотно сжаты.

"Очень хорошо", - сказала мадам Помфри. "Я разрешаю тебе говорить".

"Спасибо", - сказал Ремус. Его голос все еще был хриплым из-за ужасной перестройки и искривления голосовых связок. "Нет, мэм. Никак. Начинаю приходить в себя, но это долгий процесс. Мне просто очень холодно".

"Хорошо. Ваша мать упоминала, что это часто бывает после трансформации. Это значительно облегчает ситуацию. Я сделала все, что могла на данный момент, мистер Люпин; я собираюсь временно дезиллюминировать нас обоих и левитировать вас обратно в замок."

"Нет!" Ремус не хотел говорить так громко, поэтому он понизил голос и попробовал еще раз. "Нет".

"Простите? Только не говори мне, что ты собираешься попытаться идти пешком".

"Пожалуйста, мэм. Я бы очень хотел".

"Нет!"

Ремус поджал губы. "Я думаю, что на сегодня я потерял достаточно контроля. Я бы хотел сделать что-нибудь для себя". Он не собирался использовать жалость мадам Помфри в своих целях, но в тот момент он не знал, что еще можно сделать. Кроме того, это было на сто процентов эффективно.

Глаза мадам Помфри смягчились, и она неохотно сказала ему, что, конечно, он может ходить, но только если он будет очень осторожен и скажет ей, если ему будет больно. Ремус согласился и позволил ей подтянуть его к себе.

Странное ощущение - идти на двух ногах, хотя, возможно, это потому, что он совсем не чувствовал этих двух ног. Он едва мог приказать им двигаться. Пока его человеческая нервная система полностью не восстановилась, а тело не оправилось от шока, вызванного превращением в совершенно другое существо, Ремус ничего не чувствовал. "На улице довольно солнечно", - прокомментировал он, когда они с мадам Помфри шли к замку, почти полностью невидимые. Мадам Помфри бросила на него обеспокоенный взгляд.

Чувства постепенно возвращались по мере того, как Ремус приближался к замку. К тому времени, когда они достигли двери Больничного крыла, он, что самое удивительное, расплакался.

"Почти пришли", - сказала мадам Помфри, которая, несомненно, слышала хныканье, которое

Ремус не мог остановить. Она привела его в свой кабинет, а затем взмахом палочки ввела его в состояние дезиллюминации. Жалость в ее глазах была огромной, и Ремус подумал, не чувствует ли она себя хуже, чем он.

Скорее всего, нет.

Ремус опустился на кровать и тут же почувствовал облегчение. Было приятно ходить – пусть и самое болезненное, что он испытал после превращения. Ходьба, по крайней мере, помогла ему вновь почувствовать себя в человеческом теле. Впервые со вчерашнего дня Ремус чувствовал себя полностью человеком.

"Ну что ж", - сказала мадам Помфри, ее голос был по-прежнему деловым. "Я дам тебе обезболивающее зелье, а потом займусь лечением раны на твоей ноге".

"Мне не больно", - быстро сказал Ремус. Это был рефлекс, и он изменил свое замечание, как только мадам Помфри строго посмотрела на него. "Мне больно".

Мадам Помфри кивнула и почти насильно влила зелье в его горло. Ремус ненавидел принимать зелья. Знать, что в зелье есть глаза тритона, было достаточно плохо, но Ремус мог попробовать их на вкус с помощью своих усиленных чувств. Нет ничего лучше, чем проглотить тритона первым делом утром.

Ремус сразу почувствовал себя лучше, хотя боль полностью не исчезла. Теперь он, по крайней мере, знал, где болит, вместо того чтобы все его тело было сплошным пятном боли. "Так", - сказала мадам Помфри. "Кроме ноги, где еще болит?".

"Простите, мадам, но можно мне немного воды?" - спросил Ремус тоненьким голосом. Он пытался игнорировать вкус крови во рту, к которому он так привык, но это становилось все труднее.

"Конечно, мистер Люпин", - сказала мадам Помфри, невербально бросив "Агуаменти" в маленькую чашку. Ремус взял ее и выпил все ровно за три глотка.

"Э-э, моя челюсть, моя рука, моя левая рука...", - сказал он, возвращаясь к вопросу.

"Я думаю, ваша челюсть болит из-за того, что вы её сильно сжимали", - сказала мадам Помфри. "У вас действительно не хватает пары ногтей; я дам вам зелье, которое их восстановит, через минуту. Ваша левая рука сломана. Обычно я бы исправила это за долю секунды, но в данном случае лучше удалить кости и вырастить с нуля, поскольку она сломана в нескольких местах, а кожа вокруг нее сильно повреждена".

Ремус кивнул. Его отец пару раз делал то же самое. "А что не так с моей ногой?" - спросил он. "Она всегда кажется травмированной".

"У твоей правой ноги очень сиьный укус. Правильно ли я понимаю, что серебро и Диттани - единственное, что запечатывает укус оборотня?"

"Э-э, да", - сказал он, чувствуя стыд, - "но много не нужно".

"И от всего этого останется шрам?"

"Да", - сказал он, - "но некоторые со временем исчезают до такой степени, что их почти не видно".

Мадам Помфри вышла из кабинета; Ремус услышал, как в другой комнате звенят и шуршат бутылочки с зельями. Он на мгновение закрыл глаза, но не заснул. Обезболивающее зелье, которое было такой редкостью в доме Ремуса, вызывало совсем другие ощущения, чем привычная боль, к которой Ремус привык после полнолуния. Конечно, с зельем все было приятнее - гораздо приятнее, но все же совсем по-другому.

Через минуту вернулась мадам Помфри с несколькими стаканами. "Мне нужно, чтобы ты их выпил, - сказала она бодро, - а потом я дам тебе Сонное зелье, чтобы ты мог восстановить силы. Я могу залечивать раны всё время, пока ты спишь".

"Спасибо, мэм... и простите меня".

"За что?"

"За то, что ты застрял здесь, помогая мне. Я не хотел отнимать у вас много времени".

"Мистер Люпин", - сказала мадам Помфри с легкой улыбкой, - "Мне буквально платят за это".

Ремус искренне улыбнулся впервые за несколько часов.

Он проснулся через несколько часов, чувствуя себя прекрасно.

Родители Ремуса не могли позволить себе все зелья, которые мадам Помфри могла ему предоставить, а отец Ремуса (каким бы замечательным он ни был) не был так хорош в лечебной магии, как мадам Помфри. Многие раны Ремуса пришлось залечивать маггловским способом, когда он был дома.

Но теперь... теперь он чувствовал себя так, словно мог пробежать милью.

Ну, не милью, может, и не пробежать, но он был уверен, что сможет хотя бы дойти до другого конца Больничного крыла.

Мадам Помфри сидела в кресле и что-то читала. "Добрый день, мистер Люпин. Как вы себя чувствуете?"

"Я чувствую себя прекрасно", - ответил он, его голос все еще был довольно хриплым. Он вспомнил, как завывал пол ночи напролет, так что это имело смысл. "Что вы читаете?"

"Письмо от твоей матери", - сказала мадам Помфри. "Вчера вечером ей было одиноко. Она написала письмо и тебе; оно пришло сегодня утром. Оно лежит на столике у твоей кровати".

Когда Ремус поднял руку, чтобы взять письмо, он заметил, что его ладонь обернута марлей. Он надеялся, что после выхода из Больничного крыла у него не останется заметных шрамов.

Дорогой Ремус,

Уже поздно, в доме темно, и мне очень скучно. И тревожно, но я знаю, что ты не хочешь этого слышать. Твой отец спит наверху. Он пытался не спать со мной... но ты же его знаешь. Он может заснуть где угодно. Он ужасно не любит ложиться спать позже положенного времени... и, кроме того, ему завтра рано вставать на работу".

Шарф Гриффиндора почти готов, говорит он, хотя, по-моему, он все еще не похож на шарф. Он говорит, что хочет начать работу над шляпой, когда шарф будет закончен, но я пыталась убедить его позволить мне сделать ее. Пока безуспешно.

В доме так тихо. Смотреть на полную луну, зная, что ты сегодня где-то в другом месте, невыносимо. Ты не был так долго вдали от дома с тех пор, как... ну, вообще-то, никогда. И это самое первое полнолуние, когда нас не было рядом. Пожалуйста, напиши как можно скорее; я не могу вынести этого волнения. И я не могу не волноваться, дорогой. Я знаю, что ты в надежных руках, но тот факт, что эти руки не мои собственные, то, с чем я всё ещё не готова смириться.

Сегодня я не буду готовить наш традиционный суп в полнолуние, хотя я знаю, что буду скучать по нему утром. Просто без тебя все не так. Ничего. Я скучаю по твоей помощи в приготовлении пищи по вечерам. Мне кажется, что твой голос все время звучит у меня в голове. Это все очень раздражает.

Пожалуйста, напиши как можно скорее. Если с тобой что-нибудь случится, я не думаю, что смогу это вынести. Я очень хочу, чтобы тебе было весело в Хогвартсе - твой отец не перестает говорить об этом; это звучит очень весело - но я еще раз прошу тебя быть в безопасности.

Поскорее поправляйся! Высыпайся... и постарайся что-нибудь съесть. Я знаю, что после луны есть не так вкусно без моего послелунного супа, но я уверена, что в Хогвартсе много хорошей еды.

Любовь,

мама.

Ремус улыбнулся и закрыл письмо. "Надеюсь, все новости хорошие?" - спросила мадам Помфри.

"Нет", - серьезно ответил Ремус. "Боюсь, что мой отец решил связать мне шапку. Мама совсем не рада".

"Да, она рассказала мне о шарфе и шапке", - сказала мадам Помфри. "Неужели он действительно так плохо вяжет?"

"Однажды он пытался связать мне джемпер", - сказал Ремус. Не думаю, что бедные спицы вынесут ещё что-нибудь подобное". Что она написала Вам в своем письме?"

"Ничего особенного", - ответила мадам Помфри, складывая письмо. Ремус заметил, что в нем было несколько страниц. "Она снова описала твои типичные травмы, рассказала довольно много историй о твоих прошлых превращениях..."

"Что?" - спросил Ремус, встревоженный.

"...включая одну, в которой ты утверждал, что съел мышь".

Лицо Ремуса покраснело. "Вообще-то, нет", - сказал он. "Я потерял много крови и был немного не в себе. Я только немного поиграл с мышью... хотя я не думаю, что мышь думала, что это была очень веселая игра". Чудесным образом мышка поправилась".

Мадам Помфри улыбнулась. "О, поверьте мне, я видела и гораздо хуже. Однажды у меня был ребенок, который действительно съел мышь. После этого она сильно заболела. Я научилась не задавать вопросов".

Ремус усмехнулся. "Мудрое решение", - сказал он. "Ты не знаешь, почему Сириус Блэк,

Джеймс Поттер и Питер Петтигрю приходили ко мне с ярко-розовой кожей?"

"Они сказали что-то о проклятом сундуке; я списал это на детский лепет".

"Проклятый? Нет, не проклятый, только заколдованный".

"Это был... ты?"

Ремус усмехнулся, не зная, стоит ли ему признаваться в этом, но слишком гордился собой, чтобы не рассказать кому-нибудь. Кроме того, полнолуние заставило его потерять часть здравого смысла. "Они пытались шпионить, а я все лето отрабатывал заклинания на своем сундуке".

Мадам Помфри на секунду приняла строгий вид, но быстро потеряла самообладание и начала смеяться. "Очень впечатляющее заклинание", - сказала она. "Как давно ты занимаешься магией?"

"Мы никогда не думали, что я буду учиться в Хогвартсе, - сказал Ремус, - поэтому я иногда брал папину палочку и практиковался под его присмотром. Теорию я могу выучить хорошо, но практика всегда занимает у меня много времени. Этот сундук у меня уже много лет, и я работал над ним несколько месяцев. Этим летом я выучил много заклинаний". Ремус неожиданно кашлянул и тут же понял, что ему, наверное, не следовало так много говорить.

"Что ж, это было очень забавно", - сказала мадам Помфри. "Я пойду в Большой зал и принесу вам тосты и воду. Оставайтесь здесь".

Как будто у него был выбор.

Следующие несколько часов прошли в чтении, приеме пищи, дремоте и практике Агуаменти. Ремус, наконец, добился того, что из протекающего крана потекла струйка, и был вне себя от радости (хотя вода теперь была серого цвета, что было, пожалуй, еще хуже, чем синяя).

Ремус также написал письмо своей матери, заверив ее, что все в порядке. Он немного преувеличивал, подчеркивая, что никогда не чувствовал себя лучше и не может дождаться завтрашнего дня, чтобы пойти на занятия... но в основном это была правда. Он написал отцу отдельное письмо, в котором подробно описал сложные чары, наложенные Дамблдором на дом (он также попросил у него совета, как наложить Агуаменти).

Около пяти вечера Ремус перечитывал свой личный экземпляр "Истории Хогвартса" и ел сэндвич. Он действительно чувствовал себя намного лучше. Мадам Помфри сказала ему, что ночью зелье, выращивающее кости действует гораздо лучше, поэтому левая рука Ремуса сейчас была без костей. Работать с одной рукой, покрытой марлей, было довольно неудобно, но Ремус прекрасно справлялся.

Мадам Помфри, к удивлению Ремуса, покормила Буфо тем утром, когда Ремус был слишком плох, чтобы сделать это. Ремус, должно быть, очень удивился такому поступку, потому что мадам Помфри горячо и настойчиво отрицала, что когда-либо боялась жаб. "В конце концов, - сказала она ему, - как я могу бояться жабы, и не бояться оборотня?" Ремус подумал, что это смешно, но, скорее всего, он просто бредил. Мадам Помфри ужасно боялась жаб, это было ясно как день.

Ремус читал о жизни и истории бывшего директора школы Армандо Диппета, когда вошла мадам Помфри со свежими повязками для его ран и еще более загадочными зельями со вкусом туалетной воды. "Как вы себя чувствуете, мистер Люпин?".

"Я чувствую себя очень хорошо, мадам", - сказал Ремус. "Я никогда не чувствовал себя так хорошо после полнолуния".

"Я рада", - сказала мадам Помфри, но не подала виду. "Помни: сегодня ты остаёшься в Больничном крыле. Мы посмотрим, сможете ли ты успеть на завтрашние уроки. Всё зависит от твоего самочувствия, но я не питаю больших надежд. Уже достаточно поздно, чтобы принимать зелье. Боюсь, хуже ты ничего не пробовал".

"Вы имеете дело со мной, а я многое повидал", - саркастически пробормотал Ремус, выпивая зелье. Оно было отвратительным. Внезапно он замер. "Мадам Помфри. Профессор Квестус в Больничном крыле. Может, вам стоит сходить узнать, что ему нужно?"

Мадам Помфри выглядела удивленной. "Откуда вы знаете... о, точно. Осторожно, не двигайте рукой слишком сильно, мистер Люпин".

"Я не могу, там нет костей", - напомнил ей Ремус.

"Ха-ха, очень смешно, - сказала мадам Помфри.

Она ко мне потеплела, подумал Ремус. Буфо квакнул со своего насеста на плече Ремуса.

"Думаю, вы двое быстро станете лучшими друзьями", - сказал ему Ремус, и он мог поклясться, что Буфо улыбнулся.

<http://tl.rulate.ru/book/67209/1786096>